

КУБИЧЕСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО

* * *

Снег – глубокий. А жемчуг – мелкий.
Несутся дни на разных скоростях.
И общество невымытых тарелок
Скучает о непрошенных гостях.

* * *

Никите Зонову

Ты не юн.
Позади твой июнь.
Твой прокурен уют.
Твой мотив мимо струн –
Перебор, перекрут.
Здесь, где курят и пьют,
Музы жгут.
Только ран не бинтуют
И мохнатых не ждут поцелуев.
Редко-редко, но хором споют:
«Аллилуйя любви,
аллилуйя любви,
аллилуйя...».

* * *

Кубическое одиночество:
Серое, многоэтажное.
Прожжённое, эпатажное,
Пророческое, отеческое.
Запечное, заполошное,
Запаянное в пакеты
С лёгким намёком чая.
Я не скучаю по прошлому,
Но и не исключаю
Из пыльного списка дел
Этот земной удел...
Энциклопедия жизни...
(моей домово́й книги),
Где в начале столько интриги,
А в конце печалька, печать.

На обороте открытки:
«Пиши ещё, не скучай».
Съедено столько соли:
кирпич к кирпичу.
Не сказано столько слов –
Некому, да и незачем.
Выкристаллизован из
Солевого раствора боли,
Стоит соляным столбом –
Богатырём на распутье –
Мой многоголосый дом,
Раскинув серые крылья,
Окнами в лес и небо.
Косит на рябины и кедры.
Выше подъездных ёлок
Замах его плоских крыш...
Несколько разных жизней прожито здесь...
А в результате – шиш...
Ты говоришь: «Тише,
Шишки летят, слышишь?!».

ИРОНИЧЕСКОЕ

*Иван Бунин для вдохновения
держал в ящичке письменного стола яблоки*

А у сибирского писателя для вдохновенья
Под столом кадушка солений:
Грузди, волнушки, моховики.
Отдельно – сушёные боровики;
Корзина кедровых шишек,
Туес клюквы, излишек
Брусники, иван-чай,
Морошка, медвежья лапа,
Тут же вяленый язык да с облепихой таз...
У сибирского писателя под столом благодать...
Да ему столько и не написать!

* * *

Это стиль архитектурный:
Пламенеющая осень.
Лес, привставший на котурны,
Взгляд за горизонт забросил.

Хочет выловить, наверно,
Золотую рыбку слова.
Что там будет, он не спросит.
Время зимнее – безмолвно.

* * *

из чёрного застеклённого куба кафе
вырвался дух кофе
и пляшет по остановке,
расставляя сети прохожим...
девушка с электронной сигаретой
оставила после себя шлейф жжёной вишни...
вечер заплетается в тугую африканскую косичку...
торопится на променад

* * *

малолитражные книги
на маковой росинке
вдохновения
написаны
передаются воздушно-капельным путём

* * *

Отпуск начинается с покупки стремянки.
– Эх, как возьмусь теперь красить, белить, шерстить
антресоли!..
Иногда на этой оптимистичной ноте
отпуск и заканчивается.

* * *

В сиреневых клубах сирени кроются наяды.
Вылупились из дождя,
проросли лиловыми телами в глубину,
где поджидают лёгкую добычу,
сучат сиреневую пряжу сновидений.
Не вычеркнуть из памяти цыганский взгляд их мрачный.
Ах, Врубель-Врубель... врублен в нас навек...
И конусы сиреневых соцветий направлены вовне –
ищи скорей, где пятый лепесток.

Лужи пузырятся, вспороты дождём.
Пухнут будущими грибными шляпками:
шлёп-шлёп, шляп-шляп.

В каждом пузыре – мечта,
букашечный микрокосмос...
инопланетная станция
под круглым куполом
посылает сигналы: я – здесь...
Пузыри на лужах лопаются быстро.
Успей загадать желание.

* * *

Весна. Работники Горзеленхоза
продолжают вырубать из деревьев
безветвиевые скульптуры.
Тополя в ответ говорят: «Рот-фронт»
и вскидывают культяпки.

* * *

Золушка убегает
на последний автобус.
Проживание на окраине города
имеет значение.

* * *

Кофе и вишнёвое желе.
Ностальгия по театральной юности.
Горько, красиво и немножко нервно.

* * *

Домашние животные – единственные свидетели нашей жизни,
Которые не напишут воспоминаний.
Сохранят наши тайны в глубине звериного мозга.